

Екатерина Лескова
(Калининград)

**ПРОБЛЕМА «РОДОВОГО ГРЕХА»
В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

Анализ проблемы «родового греха» в романе Достоевского «Братья Карамазовы» рассматривается через обращение к дискуссии о теории «родового греха» в современном православии; также исследуются «пороговые ситуации», которые приходится преодолевать героям произведения. Делается заключение о месте проблемы «родового греха» в художественной системе Достоевского.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, православие, «родовой грех», «пороговая ситуация».*

Проблема греха и его преодоления — одна из центральных не только во всех мировых религиях, но и в культуре в целом. В произведениях Достоевского тема падения человека и его последующих духовных метаний и поисков, приводящих либо к возрождению, либо к стагнации и постепенному «умиранию» является ключевой. Последний роман писателя — «Братья Карамазовы» — в этом смысле не исключение; более того, он становится неким итогом, обобщением всех его взглядов, результатом его идейных и художественных исканий.

Ф. М. Достоевский был православным христианином, и исследование героев его произведений невозможно в отрыве от православной

антропологии, поэтому проблему греха и раскаяния в данной работе мы будем рассматривать именно в этом контексте.

Православное понимание *греха* восходит, как известно, к библейской истории об *Адамовом* грехе, то есть *первородном*, вследствие совершения которого *греховность* распространилась на весь род человеческий. Есть в современном православии также понятия «грех личный» и «грех родовой». В определении первого все ясно: *личный* — это тот грех, за который каждый человек самостоятельно несет ответственность; что же касается второго, то его выделение остается дискуссионным, признанным далеко не всеми богословами. Один из приверженцев теории родового греха профессор богословия А. И. Осипов так говорит об этом феномене: «Родовой грех — это не тот грех, за который мы несем ответственность, не тот грех, в котором человек повинен», это «болезнь, наследуемая им» [9]. Родовой грех выражается не столько в совершаемом несправедном поступке, сколько в предрасположенности к его совершению. По словам протоиерея О. Безруких, проявление родового греха заключается в том, что человек испытывает «очень интенсивное влечение к тому греху, который совершил... предок» [4]. Не случайно богословы, говоря об этой проблеме, заменяют слово «грех» другими понятиями: «болезнь», «страсть» (Осипов), «влечение», «тяга», «склонность» (Безруких), что заметно снижает роль фактора «вины» в данном концепте и подразумевает совершенно иной критерий «прощаемости».

Значение родового греха (еще до его попытки выделения в особую категорию) гениально предчувствовал и прозрел Достоевский в романе «Братья Карамазовы». Поведение героев, описанное в романе, — наглядный пример того, как передается «вирус» греховности от отца к его сыновьям, не исключая даже религиозного Алешу. «Я не от твоих речей покраснел и не за твои дела, а за то, что я то же самое, что и ты. <... > Все одни и те же ступеньки. Я на самой низшей, а ты вверху...» [1, т. 1 с. 126], — признается он Дмитрию. «Ты сам Карамазов, ты Карамазов вполне... <... > По отцу сладострастник, по матери юродивый» [Там же, с. 93], — характеризует его Ракигин. В остальных братьях «сила низости Карамазовской» проявляется на страницах романа гораздо более отчетливо. Изучая вопрос о «наследовании» греха в этом же произведении, Р. Бэлнеп [5, с. 57] использует уже известный, созданный самим Достоевским термин «карамазовщина», но при этом выделяет в нем уже конкретные концепты — подлость и сладострастие, — связывая последнее с образами насекомых: «Я, брат, это самое насекомое и есть, и это обо мне специально и сказано. И мы все Карамазовы такие же, и в тебе, ангеле, это насекомое живет» [1, т. 1, с. 124].

Идею не только родственного, но и духовного единения братьев высказывал в свое время и К. В. Мочульский, но несколько под другим углом. Исследователь рассматривает Карамазовых как некий единый организм, или, обращаясь к православной терминологии, как «соборную личность», в которой каждый олицетворяет свою часть целого: «...начало разума воплощается в Иване, "чувство" во всей его широте и необузданности представлено Дмитрием, воля и деятельная любовь (в своем единении являющиеся идеалом писателя — Е. Л.) намечены в Алеше» [8, с. 521]. Место «олицетворенного греха» К. В. Мочульский отводит Смердякову.

Однако несмотря на генетическую и духовную связь братьев, на их одинаково «заброшенное» детство, они все же совершенно различны: разница в отношении к религии, в расстановке приоритетов и выборе ценностей доведена в них чуть ли не абсолюта (исключение — лишь «двойники» Иван и Смердяков). Если говорить обобщенно, то и сами представления о грехе как таковом и о той грани, что проходит между «правильным», «допустимым» и «греховным», у каждого Карамазова да и вообще у каждого героя в романе свое, индивидуальное. Начиная от простого, буквального, интуитивно-народного представления Григория Кутузова (камердинера Федора Павловича) до осознанной религиозности образованного Алеши.

На первый взгляд кажется, что у каждого персонажа четкое, устойчивое понимание греха. Между тем это совсем не так: они спорят, ищут, сомневаются. Роман, как и многие другие произведения Достоевского, полифоничен: писатель мастерски раскрывает сущность героев через их монологи (в основном внутренние) и диалоги (беседы, споры). Каждый испытывает потребность высказаться, быть услышанным, ждет оценки со стороны другого. Это и «исповедь горячего сердца» Мити, и размышления Федора Павловича «за коньячком», и «литературные пробы» Ивана, и душевные метания Алеши. И даже «валаамова ослица» Смердяков вдруг начинает говорить. К слову, авторское наречение «валаамова ослица» применительно к этому герою не случайно, эта отсылка Достоевского к библейскому тексту подчеркивает не только неожиданное вступление в разговор молчаливого Смердякова, но и наделение его «полномочиями» предотвращения греха (как известно, библейская ослица препятствовала уничтожению израильтян Валаамом). В самом деле: именно он, Смердяков, впоследствии и совершает (обратно библейской легенде) «главный» грех романа, перевернувший не только его собственную судьбу, но также судьбы и представления о жизни остальных героев. Здесь имеет место

«неотвратимость» греха, нависающего над семейством Карамазовых грозным облаком на протяжении многих страниц романа, в отличие от «приостановления» совершения греховных поступков другими героями, которых в период духовного упадка спасало какое-нибудь неожиданное обстоятельство или видение. В случае Смердякова личного осознания не происходит, его мучения начинаются только там, где заканчивается уверенность в былых представлениях о допустимости греха и начинает проявляться разочарование в Иване и в их излюбленном принципе «все дозволено», отчего нет и божественного вмешательства. Смерть остается для него единственным выходом из сложившейся ситуации, как и для «упивающегося своими грехами» Федора Павловича, раскаивающегося лишь «пьяными минутами».

Братья же Дмитрий, Иван, Алеша в моменты кризиса черпают силы в совершенно неожиданных для себя и нетипичных (для нашего восприятия этих героев) вещах, что еще раз подчеркивает амбивалентность «карамазовской» натуры. Казалось бы, Дмитрий, самый «неистовый» из всех (а неистовость у Достоевского сочетается с образом земли: «земляная карамазовская сила... земляная и неистовая» [1, т. 1, с. 249]), даже в этимологии имени которого заключена сема «земли» (происхождение имени связано с древнегреческой богиней земли и плодородия — Деметрой), должен был искать спасения в земном: в общении с людьми, в их поддержке. Но осознание греховности поступка приходит к нему не земным, а метафизическим способом — сон о плачущем ребенке, таинственное «отведение от греха» («Бог... сторожил меня тогда» [Там же, т. 2, с. 80]). В случае Алеши преобразование происходит, напротив, через «мир»: пораженный душевной чистотой Грушеньки, которую считал порочной, он духовно возрождается. Иван же до убийства Федора Павловича и Митинога суда находил вдохновение и жизненную энергию в самой жизни, в любви к ее лучшим проявлениям: «...дороги мне клейкие, распускающиеся весной листочки, дорого голубое небо... дорог иной подвиг человеческий, в который давно уже, может быть, перестал и верить, а все-таки по старой памяти чтить его сердцем» [Там же, т. 1, с. 260]. Но настоящий смысл этого «подвига человеческого», необходимость высших моральных законов и стремление к правде он по-настоящему осознал и прочувствовал, принимая сложное для себя решение — сообщить на суде о своей моральной причастности к убийству отца. После долгих мучений он все же решается на это, о чем Катерина Ивановна скажет впоследствии: «О, это была жертва! Нет, вы такого самопожертвования не поймете во всей полноте...» [Там же, т. 2, с. 490].

Таким образом, становится очевидно, что только пройдя испытание сомнением (как и сам Достоевский: «через большое горнило сомнений моя осанна прошла» [2, с. 1056]) и сделав правильный выбор, герои получают надежду на просветление. В терминологии М. М. Бахтина и в разработке этого термина С. С. Хоружим пребывание в постоянном состоянии сомнения получило название «пороговой ситуации» [3, с. 407; 11, с. 152], через которую проходят все в итоге просветленные герои. Это и Дмитрий, находящийся на «весах» на протяжении всего романа, и усомнившийся в своей вере Алеша (после тления тела Зосимы), и, конечно же, Иван, который показан сомневающимся и в начале романа, на встрече со старцем («сами знаете это свойство вашего сердца; и в этом вся мука его» [1, т. 1, с. 82]), и в конце, на суде («захощу вскоцу, захощу не вскоцу» [Там же, т. 2, с. 408]). В итоге они пересматривают свои жизненные ценности (Дмитрий и Иван) или укрепляются в былой вере (Алеша).

О значении возникновения подобных «переломных» ситуаций пишет В. Н. Лосский, пересказывая мысли Григория Богослова: «Бог не хочет оставаться собственником созданного им добра. Он ждет от человека большего, чем чисто природной слепой причастности. Он хочет, чтобы человек сознательно воспринял свою природу, чтобы он владел ею — как добром — свободно, чтобы он с благодарностью принимал жизнь и вселенную как дары Божественной любви» [10, с. 242]. Эта мысль звучит в трудах многих других православных богословов (например, в работах В. В. Зеньковского [6, с. 243], И. А. Ильина [7, с. 95]), она же проходит красной нитью и через все произведения Достоевского, не исключая его последнего романа.

Разделение грехов в православии на обозначенные выше категории играет значительную роль в концепции писателя. Нельзя не отметить стремление Достоевского подчеркнуть важность правильного использования человеком данной ему свободы (главный смысл которой — путь к «обожению») и вследствие этого пристальное внимание автора «Братьев Карамазовых» к проблеме «личного греха». Действительно, именно личная борьба с грехом и его ежечасное преодоление делает человека тем, кем он должен быть в соотношении с божественным промыслом. Однако родовый грех играет в концепции Достоевского роль не менее важную. Истоки несчастий, описываемых в романе, Достоевский находит в наследственной тяге, предрасположенности героев к определенному пороку. «Высокие» герои (те, в ком божественное начало окажется сильнее греховных склонностей) могут победить в себе этот недуг, остальные — уходят с поля боя.

Итак, можно сделать вывод, что хотя «родовой грех» — относительно новое понятие, статус которого еще не определен в богословии, однако есть все основания полагать, что он уже был художественно исследован Достоевским. Умение преодолеть в себе врожденную испорченность было для писателя своеобразным мерилom духовности героев, возможности/невозможности их преображения.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы : в 2 т. М., 1981.
2. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений // Православие и русская литература в XVIII—XX вв. М., 2003.
3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
4. Безруких О. Понятие греха и поврежденности. Родовой грех. URL: <http://video.mail.ru/mail/san.1975.dta/1342/2173.html> (дата обращения: 19.01.13).
5. Бэллел Р. Л. Структура «Братьев Карамазовых». СПб., 1997.
6. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии // Педагогические сочинения. Саранск, 2003.
7. Ильин И. А. Путь духовного обновления. М., 1996.
8. Мочульский К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995.
9. Осипов А. И. Виды греха. URL: <http://video.mail.ru/mail/novosjol/1178/15592.html> (дата обращения: 06. 01.13).
10. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви: догматическое богословие. М., 1991.
11. Хоружий С. С. Неотменимый антропоконтур. 4 : Философия С. Кьеркегора как антропология размыкания // Вопросы философии. 2010. №6.

Yekaterina Leskova

THE PROBLEM OF HEREDITARY SIN IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL THE BROTHERS KARMAZOV

The analysis of the problem of "hereditary sin" in Dostoevsky's novel The Brothers Karamazov is considered in the light of the discussion on the theory of "hereditary sin" within modern Orthodoxy. The author examines the "threshold situations" faced by the novel's characters and arrives at a conclusion about the role of the "hereditary sin" problem in Dostoevsky's literary system.

Key words: *F.M. Dostoevsky, Orthodoxy, "hereditary sin", "threshold situation".*

**РУССКИЕ
В КЁНИГСБЕРГЕ**

Одна из наиболее примечательных и загадочных фигур, оставивших некоторый след в истории Кёнигсбергского университета, — потомок знаменитого украинского гетмана Иван Парфентьевич (Парфенович) Хмельницкий (1742—1794). Поскольку он попал в Кёнигсберг не из Москвы, а из Киева, то остался в тени другой группы молодых людей, которые, судя по всему, явно не обладали ни его талантами, ни его трудолюбием, ни его предварительной подготовкой.

Алексей Круглов